

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Иванъ Бунинъ. Божье древо. Изд. «Современныя Записки». 1931 г. Парижъ.

Еще въ 1926 году въ своей статьѣ о Бунинѣ (по поводу «Мичи-лой Любви») я писалъ, что въ творествѣ этого писателя какъ будто намѣчается нѣчто новое. «Жизнь Арсеньева» вполне оправдала мое предчувствіе.

То, что въ прежнихъ вещахъ было самымъ существеннымъ, самымъ главнымъ, самымъ бунинскимъ, въ новомъ романѣ отступаетъ на второй планъ. Конечно, и въ «Арсеньевѣ» картины Россіи — дворянско-деревенской, мѣщанско-городской, интеллигентски-революціонной — даны съ тою же стереоскопическою рельефностью, въ которой Бунинъ не знаетъ соперниковъ. Но все это для «Арсеньева» не характерно и въ немъ не важно. За это изумительное изобразительство Бунина, по старому, хочется благодарить, но не оно, по новому, влечетъ къ нему. Новое въ «Арсеньевѣ» не пластика, а музыка. Нѣкое, непередаваемое словами звучаніе тверди небесной, той тверди духовной, подъ которой развертываются судьбы Россіи и судьба Арсеньева. Съ этой «музыкальной сферой» сливаются воспоминанія Арсеньева не только о своихъ предкахъ, не только о раннемъ влияніи на него великихъ зачинателей новой русской культуры — воспоминанія о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Баратынскомъ, Гоголѣ, но и о гораздо болѣе древнихъ звукахъ, неизвѣстно какъ дошедшихъ до мальчика, неизвѣстно кѣмъ завѣщанныхъ ему, о звукахъ органа въ древнихъ церквахъ, о звонѣ средневѣковыхъ мечей.

Тема памяти сущностно связана съ темой смерти. Читая «Арсеньева», всѣмъ существомъ чувствуешь, что преображающая глубина бунинской памяти есть реальная власть надъ обезображивающимъ безпамятствомъ большевизма, что она не просто память, но уже вѣчная память панихиды.

Тотъ же «литургически пахучій дымъ ладана», синія, стелется и надъ картинами той изумительной Россіи, которую Бунинъ запечатлѣлъ въ своихъ «странствіяхъ» («Божье Древо»). На двадцати трехъ страницахъ, написанныхъ съ предѣльною простотой, доступною только изощреннѣйшему мастерству, изображена и Россія революціоннаго ада и Россія нетлѣнныхъ святыхъ.

Революціонный адъ данъ сильно, но сдержанно. Никакія свои воспоминанія въ духѣ «Окаянныхъ дней» не тревожатъ больше мнѣ.

ра и правды бунинской памяти. И потому въ ея глубинѣ, въ атмосферѣ высокой, прозрачной осенней прохлады такъ скорбно и все же свѣтло возникаютъ одинъ за другимъ лики Россіи: монастыри — Давыловъ въ Москвѣ, Макарьевскій на Волгѣ, монастырь Саввы съ соборомъ XIV вѣка, Троицкая Лавра; старинныя помѣстья — Измайловское, вотчина царя Алексѣя Михайловича, Троицкое Румянцевъ, Остафьево, гдѣ въ кабинетѣ Карамзина подь стекломъ лежатъ вещи Пушкина и другія не столь знаменитыя, но столь же дорогія памятливому сердцу. Странствуя по монастырямъ и помѣстьямъ, городамъ и селамъ, Бунинъ то раскроетъ передь нами рукописи древняго монаха — «Замогильныя лѣтописи созерцанія», то покажетъ хранящійся въ Лаврѣ кафтанъ Ивана Грознаго, то сообщитъ выписку изъ старой книги о селѣ Измайловѣ, то напомянитъ древнее слово о суровомъ подвижникѣ. Такъ возникаетъ въ «странствіяхъ» незапамятная, дерущимая Русь. Въ скорбномъ лиризмѣ, которымъ исполнены «Странствія», слышится острая боль, боль прощанія Россіи съ Русью. Слышится и тревожный вопросъ: правда ли, что не разрушится нерушимое, не забудется незапамятное? И все это дано безъ всякой ложной романтики, безъ тѣхъ «пѣтушковъ», что такъ пазовито гондланятъ въ эмигрантскихъ изданіяхъ, въ разныхъ нашихъ «Пасхлх.» и «Вѣрбахъ», безъ тѣхъ «березокъ», что такъ досадно снижаютъ подлинный лиризмъ эмигрантской памяти. Во всемъ полное отсутствіе нестрой дубочной ярмарочно-декоративной живописности; все строго, отчетливая иконопись.

Надъ странствіями нѣтъ эпитафия, но первый кусокъ ихъ кончается словами, которыя могли бы послужить таковымъ. Это слова апостола Господня, сказанныя Юанну Многострадальному: «это свѣтъ твоей скорби свѣтитъ тебѣ, Юаннъ».

Кромѣ «странствій» въ «Божьемъ Древлѣ» собрано Бунинимъ сорокъ девять рассказовъ. Изъ нихъ сорокъ шесть совсѣмъ коротенькихъ: отъ полутора страницъ до восьми строкъ. Эти «короткіе рассказы» представляютъ собой для русской литературы совершенно новую форму. Ихъ чтеніе, не напоминая стихотвореній въ прозѣ Тургенева, вызываетъ въ памяти, съ одной стороны (что вполнѣ естественно), короткіе рассказы Петра Альтенберга — въ особенности рассказъ «Слонъ», совершенно альтенберговскій, даже и по сюжету — а, во-вторыхъ (что далеко не такъ естественно), нѣкоторые и въ художественномъ отношеніи замѣчательные философскіе фрагменты Киркегаарда. Думается, что эта поспѣдная, не естественная ассоціація объясняется тѣмъ, что короткіе рассказы Бунина выросли не только изъ чисто художественной «жажды запечатлѣнія жизни, но и изъ глубокаго раздумья надъ ней. Въ нихъ раскрывается та сторона бунинскаго мированія, которая влекла его къ стиху. Какъ стихи Бунина, такъ и короткіе рассказы философичны и метафизичны его остальной (до арсеньевской) прозы. Почти всѣ короткіе рассказы инстинктивно построены на мысляхъ. Читая ихъ, — одинъ за другимъ, чувствуешь, что пишешь очень крѣпкій и горькій напитокъ. Крѣпкій потому, что Бунинъ глубоко честенъ и серьезенъ въ своихъ вопросахъ ихъ, а горь-

держенъ на всякую безответственную выдумку; горькій потому, что онъ не даетъ никакихъ отвѣтовъ. Последняя форма его жизненной мудрости — удивленіе: то восторженное, то умилненное, то гнѣвное, то скорбное; но всегда творческое и потому всегда далекое отъ того дешеваго скептицизма, что перѣдко соприкасается съ пошлостью.

Одержимѣ всего Бунинъ въ своихъ раздумьяхъ о смерти. Смерти посвящены пѣлыхъ шесть рассказовъ. Два изъ нихъ убійству. Первый рассказъ «Къ роду отцовъ своихъ» потрясаетъ тою громадною художественною силою, съ которой въ немъ слиты воедино два несліянныхъ, хотя и пераздѣльныхъ лика смерти: ликъ ея неземной красоты и ликъ ея земного зловонія. «Къ роду отцовъ своихъ» — это ладанъ надъ падалю. Такъ страшно, правдиво и несмотря на весь свой неприкрытый реализмъ все же сокровенно религиозно о смерти въ Россіи никто еще не писалъ. Хочется отмѣтить еще «убійство» Въ двадцати восьми строкахъ рассказанъ трагическій романъ жепщины, убившей своего любовника. Читателю видно все: не только показанное авторомъ — ея домъ, красота, богатство, страсть, но и непоказанное — ея случайный, не по любви бракъ, лишь во вдовствѣ проснувшаяся первая любовь, судъ присяжныхъ и оправдательный приговоръ. Эта большая и сложная повѣсть въ одну страницу, совершенно изумительная по точности и насыщенности рассказа вещь.

Наряду съ темой смерти сильнѣе всего звучитъ въ короткихъ рассказахъ тема острыхъ жизненныхъ разногласій: горбунъ, пришедшій на свиданіе съ прекрасной незнакомкой и убитый тѣмъ, что его встрѣтила разряженная горбунья; бывшая артистка императорскихъ театровъ, ежегодно съ бьющимся сердцемъ выступающая на литературно-музыкально-вокальномъ вечерѣ въ пользу недостаточныхъ учениковъ пятой гимназіи; нищая, убогая домашняя жизнь студента бѣлоподкладочника, завсегдагая богатыхъ петербургскихъ гостиницъ и шикарныхъ ресторановъ.

Много короткихъ рассказовъ посвящено, конечно, Россіи. Нѣкоторыя изъ нихъ — моментальные снимки съ природы, но всегда только съ природы, типически отображающей сущность Россіи: ея много-сложный ликъ, ея жестокой исторической путь. Нѣкоторые только текія словесныя оправы какого-нибудь острою пароднаго слова.

Мужикъ, не моудшій на семитку купить квасу — «капиталь не дозволяетъ!» — это ли не русская бѣдность.

Староста «отъ кометны» забивающій слуховое око — это не не русская слѣпота.

Баба къ барину охотнику: «что же это вы, баринъ, не спите? Ишь, ужъ не рано, пѣтухи опѣвають ночь» — это ли не пародная поэзія.

Всѣ рассказы, конечно, очень «сдѣланы». Но сдѣланы такъ мастерски, что ихъ сдѣланность не видна. Это искуснѣйшей рукой ограненные камни, кажущіеся природными кристаллами. Даръ такого обмана есть высочайшая правда творчества: печать совершенства.

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы отмѣтить нѣкоторые, какъ мнѣ кажется, новые приемы бунинскаго письма. На первый взглядъ какъ будто бы ничего не измѣнилось. Но, вчитываясь внимательно, тамъ-

чаешь слѣдующее: во-первыхъ, нѣкоторую импрессионистическую эзотропность выраженія, которой въ прежнемъ Бунинѣ, какъ будто, не было; напримѣръ: «лысый еврей... который... съ бѣшеной страстью жметъ и бьетъ смычкомъ по скрипкѣ» или лѣтужи, которые поютъ, «какъ неживые»; а, во-вторыхъ, такую тишину описанія, которая даетъ уже не только внѣшній образъ явленія, но какъ бы анализъ его.

«Онъ (красноармеецъ), обросъ густой красной бородой Крутые, прозрачно коричневые глаза стоятъ, какъ у филина Стриженная голова имѣетъ форму гроба». На первый взглядъ, самый обыкновенный рисунокъ. Но я чувствую въ красной бородѣ красный кумачъ революціи; при упоминаніи стоящихъ, какъ у филина, глазъ невольно наталкиваюсь на мысль, что, какъ филинъ спитъ днемъ, такъ и народъ остѣпѣлъ отъ свѣта революціи, и живе вътя переть собору голову, имѣющую форму гроба, идруть чувствую связь вырожденія и преступленія, какъ центральную тему революціи. Такіе примѣровъ можно было бы найти много Я знаю, что своимъ анализомъ я убиваю живую душу бунинскаго описанія: упрощаю и опрощаю рисунокъ. Ясно, что Бунинъ въ процессѣ письма не думалъ о томъ, что я въ его разсказѣ искрываю. Однако, безсознательно это въ немъ все же очевидно думалось: — ипаче мнѣ не объяснить моихъ мыслей о его красноармейцѣ.

Закрывая «Божье Древо», испытываешь много разныхъ чувствъ. Но — прежде всего радость, о томъ, что писатель, давший такъ много, какъ Бунинъ, все еще продолжаетъ духовно расти и творчески преобразоваться.

Федоръ Степунъ.

Д. Мережковскій. Тайна Запада Атлантида-Европа Бѣлградъ Русская Библиотека. 1931 г.

Въ краткой рецензіи невозможно передать идейное богатство этой новой книги знаменитаго русскаго писателя. Да и рецензію о ней полагаюсь бы писать не мнѣ, а скорѣе М. И. Ростовцеву: не обладая знаніями въ области, на изученіе которой Д. С. Мережковскій положилъ долгіе годы, я не могу касаться того, что все-же составляетъ существо книги. — спора объ Атлантидѣ А основныя мысли автора уже были хорошо изложены на страницахъ главныхъ эмигрантскихъ газетъ, и навово излагать ихъ бесполезно, — вдобавокъ никакой пересказъ не дастъ надлежащаго представленія о книгѣ. Значительность поднятыхъ въ ней вопросовъ и всемірная извѣстность Д. С. Мережковскаго даютъ полное право разсчитывать, что всякій образованный русскій прочтетъ «Атлантиду-Европу».

Самъ авторъ книги, впрочемъ, въ это плохо вѣритъ. «Книга эта письмо въ буздыкъ, брошенное въ море съ тонущаго корабля», — пишетъ онъ еще въ «Тайнѣ Трехъ» Объ этихъ своихъ словахъ онъ напоминаетъ и въ «Безполезномъ предисловіи» къ новому своему труду. Замѣтимъ, что по силѣ и блеску выраженія «безполезное предисловіе» относится къ самымъ замѣчательнымъ частямъ книги. Харак-